

— А давайте вызовем дух Элвиса! — пропищала маленькая блондинка.

Она пристала к нашей компании где-то на полпути, и я все никак не могла запомнить, как ее зовут. А может, она и не говорила. Впрочем, не все ли равно. Только от ее писклявого голоса и вульгарной прически меня вдруг разобрала злость.

— Да пошла ты со своим Элвисом! — процедила я. — Все, хватит, надоели покойники!

Это надо же так надраться, чтобы вызывать духов!

Я никак не могла вспомнить, чья это была идея. На скатерти по кругу написали все буквы алфавита, перевернули блюдечко, взялись за руки и тупо смотрели, как это чертово блюдечко ползало по столу, выписывая какие-то слова. Все больше непечатные.

Конечно, мы все выпили довольно много, да еще и травку курили, вот и дошли до такого маразма.

— Авдотья боится покойников! — насмешливо проговорила Лиза Веселова. — Авдотья, а хочешь, я тебе расскажу про черную руку? — И она завывала: — В черном-черном городе, на черной-черной улице...

— Да пошла ты! — огрызнулась я и сбросила чертово блюдце на пол. — Никого я не боюсь... уж не покойников, во всяком случае!

Лизка меня сегодня особенно раздражала: мало того что она явно положила глаз на Димыча, прямо

не отходила от него, она то и дело называла меня Авдотьей. А я и вообще-то свое имечко не выношу, а уж в такой форме меня от него просто колотит...

— На черной-черной улице, за черным-черным забором стоял черный-черный морг...

— А я один раз в морге проснулся... — сообщил Геша мечтательным тоном.

— Что?! — переспросил Димыч, повернувшись к нему. — Как это?

— Да гуляли в одной компании, и, видно, перебрал я кокса... ну, еще колесами усугубил и напрочь отрубился... а ребята, видно, решили, что я уже того — загнулся от передоза. Ну, в общем, подробностей я не знаю, короче, в морге от холода пришел я в себя. Глаза продрал, думаю: мать честная, куда это меня занесло? Огляделся, а вокруг — одни жмурики!

— Ужас какой! — пропищала безымянная блондинка, округлив глаза. — Я бы, наверное, умерла от страха! Или описалась...

— Подумаешь, — протянула я презрительно. — Что их бояться — покойников! Все неприятности только от живых...

— Ну не скажи, — рассудительно заметил Слон. — Хоть и знаешь, что ничего плохого тебе покойник не сделает, а все-таки страшно. С живыми-то всегда договориться можно...

С детства была я очень глазастой — всегда замечала многое раньше других, даже то, что замечать мне вообще не следовало, как с неудовольствием повторяла мать. Так вот, сейчас я вроде бы смотрела на Гешу, но краешком глаза отметила, что Лизка незаметно мелкими шажками придвинулась к Димычу и положила ему руку на плечо. Нет, ну какая сволочь,

знает же, что у нас с ним уже все схвачено! А тот и рад, небось уже ее за задницу щиплет!

Честно говоря, совершенно я такого от Лизки не ожидала, вроде бы всегда у нас с ней были неплохие отношения. Сколько сигарет она у меня настроляла, сколько кофе за мой счет выпила!

Ну, допустим, Димычу попала жожа под хвост, и он хочет меня поддразнить: пусть, мол, девочка поревнует немножко, больше ценить будет. Но Лизка, похоже, настроена серьезно, уж я-то ее знаю. Надо мне принять меры.

Тут в комнату ввалилась Тамарка, когда она перепьет, ей сразу плохо, так она в ванной весь вечер и сидит. Хорошо, у Геши в квартире две ванны, а то хоть пропадай совсем!

Тамарка, видимо, уже пришла в себя, даже макияж сумела кое-как подправить.

— А что это вы тут обнимаетесь? — с ходу завизжала Тамарка. — Дунька, ты куда смотришь?

Вечно ей надо всюду влезть! Обожает всех стравливать друг с другом. Она рассчитывала, что мы с Лизкой раздеремся прямо здесь, учитывая все нами выпитое и выкуренное. Руки у меня, конечно, зачесались задать Лизке трепку, но тут я увидела глаза Димыча. Глаза эти, надо сказать, всегда меня привлекали. Димыч вообще парень красивый и при деньгах, а глаза у него глубокие, темно-серые, и ресницы, как у девушки, длинные. Так вот, сейчас в этих глазах не было ничего, кроме всеобщего, всепоглощающего равнодушия. Ему было скучно. Скучно с Лизкой, скучно будет наблюдать нашу драку и так же скучно будет потом со мной, если я из этой драки выйду победительницей.

Я замешкалась с ответом, и тут Лизка (чтоб ей в

одну ночь облысеть и опаршиветь!) бросила ядовитую реплику:

— Дусе теперь с нами неинтересно, Дуся теперь исключительно в обществе покойников время приятно проводит!

— Нормально! — заржал Геша. — А что, Дуська, ты же их не боишься, слабо в морге ночь провести?

Рот мой уже открылся, чтобы послать их всех как можно дальше, но тут Димыч повернулся, и я заметила в его глазах искорки интереса. Он даже от Лизки отодвинулся.

— Конечно, слабо! — вступила Лизка. — Она только на словах покойников не боится!

Мне захотелось ее убить тут же, на месте, однако так легко они меня на понт не возьмут...

— Давай, Дуська, на спор? — пьяно захохотала Тамарка — и где только успела опять набраться?

— Было бы на что спорить... — медленно, с придыханием сказала я, стремясь удержать рвущуюся наружу ярость.

— А что? — оживился Димыч. — Заявляю со всей ответственностью, что если Евдокия проведет ночь в морге под видом покойника и не сбежит отсюда до утра, то возьму ее на две недели с собой на Мальдивы! Как раз собирался слетать, погреться...

На Мальдивы! Уж за две недели я сумею убедить Димыча, что я нужна ему если не в качестве жены, то хотя бы постоянной подруги. Там никто не станет мешать — море, солнце и мы вдвоем...

— А если я не выдержу? — Я посмотрела в серые глаза, опущенные длинными ресницами, и поняла, что если я сейчас откажусь, то на Мальдивы полетит Лизка. А уж потом мне с Димычем ловить будет нечего.

— Согласна! — Ярость придала мне сил. — Однако как я туда попаду? Нюхать кокс до полной отключки не стану, мне моя жизнь дорога как память!

— Эт-та мы мигом! — оживился Геша. — Эт-та мы запросто организуем!

Совершенно машинально я отметила, что он стал необычайно деловитым и озабоченным.

— Вот слушайте! — заговорил он. — Я, как человек, прошедший через эту процедуру, знаю все досконально.

— Откуда, интересно, ты все знаешь, если сам говорил, что ничего не помнишь? — капризно спросила я.

— Струсила, да? — захохотала Тамарка. — Так я и знала, что наша Дусечка только с виду такая храбрая, а сама уже трясется, как зайчик под кустиком!

— Помолчи! — неожиданно сказал Слон. — Ребята, хватит дурить! Ни к чему это все! Пошутили, и будет! Я, Дусь, на Мальдивы тебя, конечно, не повезу, но зато всей компании выпивку поставлю, где хотите!

— Да пошел ты! — заорала я. — Не лезь, куда не просят!

Нужна мне его выпивка! И сам он мне сто лет не нужен, даже если предложил бы лететь и на Мальдивы, и на Сейшелы!

— Ладненько, зайчики мои! — суетливо заговорил Геша. — Решились — так надо дело делать! Значит, если кто очокурится в домашних условиях, первое дело — врач. Нормальные люди вызывают «Скорую», еще пока человек не умер, и она как раз посплет, чтобы смерть констатировать. Мы так делать не будем, мы пойдем другим путем... — Полтиныч? — заговорил он, набрав нужный номер. — Геннадий

беспокоит. Да, я. Тут такое дело... Зайди ко мне побыстрее, тут одной девчонке плохо... Да нет, не наркотики, перепила просто, в чувство привести нужно... — Это сосед мой сверху, — сообщил Геша, бросив трубку. — Сейчас он спустится. Он на «Скорой» раньше работал, а его выгнали — что-то не то больному вколол по пьяному делу.

— Думаешь, он до того допился, что уж мертвое тело от живого не отличит? — с сомнением спросил Димыч, его все больше и больше увлекала наша за-
тея.

Лизку он окончательно отодвинул, так что хоть тут-то я могла радоваться. Лизка, однако, всячески давала мне понять, что отступать не намерена, глаза ее вызывающе блестели, губы складывались в зло-
радную усмешку. Лизка считала, что она добилась своего и что Мальдивы, можно сказать, у нее уже в кармане.

— Спокойно! — ответил Геша. — Все учтено могучим ураганом и продумано до мелочей. Дуська, иди в спальню, наведи там макияж, как у трупешника, да понатуральнее!

Девицы встrepенулись и потянулись за мной в спальню. На Лизку я, правда, так посмотрела, что она отвяла, прошипев что-то. Тамарке не то что макияж — нос напудрить я и то не доверю, у нее обе руки левые, да еще трясутся с перепоя, может рот не на том месте нарисовать, один раз так и было, мы от смеха все рухнули.

Неожиданно помогла приبلудная блондинка, оказалось, она когда-то давно окончила курсы визажистов. Правда, ни дня не работала, но навыки какие-то получила. Она занялась мною вплотную, и через некоторое время в зеркале вырисовалось чу-

жое страшное лицо. Кожа была тускло-серой, под глазами — темные разводы, и сами глаза казались неживыми.

— Ух ты! — восхитился всунувшийся в спальню Геша. — Возвращение живых трупов! Желтизны маленько подбавь!

— Я же не от желтухи померла! — возмутилась я. — Не хочу желтого!

— Надо бы еще синевы под глазами! — вошла в раж блондинка.

— Не переборщи! — предупредил Геша и ушел открывать дверь.

Мне велели сидеть тихо и не высовываться, остальные по команде Геши дружно и целеустремленно окучивали соседа, отзывавшегося на странное имя Полтиныч.

Еще с порога Геша полез обниматься. Как было сказано Полтинычу, никакой занемогшей девицы тут нету, те, которые в наличии, — все здоровые. Но сильно пьяные, и Полтинычу надлежит тотчас же приложить все силы, чтобы дойти до общего уровня как можно скорее.

Полтиныч упился минут за двадцать — вот что значит привычка и старые дрожжи. Из гостиной доносились шум и визг Тamarки, а в комнату протиснулся Геша с медицинской сумкой.

— Вишь, какой молодец, Полтиныч-то, — бормотал он, — дело свое знает, в сумке полный набор... лекарства, шприцы... правду говорят, что мастерство не пропьешь! А вот и бланки... — Он вытащил кучу каких-то смятых бумажек. — Значит, Синицына Евдокия... тебя как по отчеству?

— Андреевна, — буркнула я, все это мне начинало очень не нравиться.

Сами посудите, приятно констатировать собственную смерть? А ведь справка — это документ, ведь ее в морге оприходуют, подошьют куда надо, у нас ко всякому документу относятся с уважением!

Как-то мне стало нехорошо, в глубине души зашевелился тревожный червячок. Если бы я тогда послушалась своих предчувствий и нашла в себе силы послать подальше и Гешу с его бредовой идеей, и Лизку с ее подлостью, и Димыча с его скукой, то избежала бы многих опасностей. Но упрямство и злость на Лизку взяли свое, и я промолчала.

— Год рождения... — бормотал Геша, — умерла от... Тебе как лучше написать — инсульт или инфаркт? Если написать «остановка сердца», то подумают, что от наркотиков... напишу — «сердечная недостаточность».

— А что это такое? — вяло полюбопытствовала я.

— Без понятия, — отмахнулся Геша, — но звучит солидно! Так, теперь подпись и личная печать врача... Колобков Павел Тимофеевич. — Он подышал на печать и аккуратно шлепнул ее на нужное место. — Все, покойница! С чем тебя и поздравляю! Теперь нужно Полтиныча домой доставить. Он утром проснется — ни фига не вспомнит, ко мне же еще и похмелиться зайдет!

Через некоторое время из прихожей раздался хохот и Гешины крики: «Раз-два, взяли!» Я снова подумала, что умнее всего сейчас будет встать, послать всех к черту и уйти из этого дурдома. Но тут же перед моим внутренним взором предстала Лизка Веселова вместе с Димычем. Они валялись на золотом песочке, а потом целовались, стоя по колено в теплой водичке, как это часто показывают в рекламе. А потом, сидя на открытой террасе ресторана, они

смотрели со значением друг другу в глаза, а потом в номере, на широкой кровати... Так нет же, ни за что не отдам Димыча этой твари!

— Ну что, вызвал машину из морга? — спросила я появившегося Гешу.

— Погоди, еще менты должны приехать!

— Эти еще зачем? — удивилась я. — У нас же вроде криминала никакого нету!

— Порядок такой, — строго ответил Геша, — вот они и удостоверят, что ты сама по себе окочурилась, никто тебе не помогал! Так что, соберитесь, мадам, ваш выход! Ляг и закостеней, вообрази, что ты — дерево. Или камень, или куча дерьма у дороги.

— Сам ты куча дерьма! — Злость придала мне сил.

Димыч пришел на меня полюбоваться, Лизки при нем не было. Тамарки тоже что-то не было видно, наверное, опять у нее отходняк в ванной. Мелькнуло, как всегда невозмутимое, лицо Слона, ему и кличку такую прилепили за то, что он вечно спокоен, никогда не орет, не дергается. На рожон не лезет, одеяло на себя не перетягивает, сидит себе в уголке, молчит и улыбается. «Может, он дурак?» — в который раз я задала себе этот вопрос, но тут же отогнала эту мысль, как несвоевременную.

— Менты приехали! — ворвался в комнату Геша. — Значит, всем сделать скорбные морды, девки могут плакать!

— С чего это мне плакать? — завелась Лизка. — С какого такого горя?

— Заткнись! — рявкнул Димыч. — Все дело испортишь!

И как-то было непонятно: радоваться мне или нет, услышав такое, потому что, с одной стороны, Лизке вроде бы дали от ворот поворот, а с другой —

по всему выходит, что Димычу просто интересно, чем обернется наша дикая затея.

Тут в дверь позвонили.

Геша посмотрел на меня оценивающим взглядом, подмигнул и пошел открывать. Я крепко закрыла глаза и застыла, как в детской игре «замри — отомри». Через минуту входная дверь скрипнула, послышались тяжелые шаги.

— Ну, что тут у вас? — проговорил гнусавый молодой голос. — Доигрались, да?

— Вас, извините, как по имени-отчеству зовут? — осведомился Геша.

— Нас, извините, Василием Ивановичем, — отозвался гнусавый.

— О, прямо как Чапаева! Так вот, Василий Иванович, давайте без воспитательной работы обойдемся! Врач был, констатировал смерть от сердечной недостаточности, сказал — бывает!

— Бывает! — заворчал гнусавый. — У молодых вообще сердца не бывает! С чего это ей... от сердца-то...

Я незаметно приоткрыла один глаз и взглянула на пришельца.

Это был плотный сутулый дядька в милицейской форме, с кирпичной физиономией — то ли от работы на свежем воздухе, то ли от приверженности к крепким напиткам.

— Тебя как звать? — прогнусавил Василий Иванович.

— Меня вот, например, Петька, — сообщил Геша под восторженное хихиканье маленькой блондинки, — а ее — Анка... она у нас, понимаете, пулеметчица...

— Так вот, Петя, — поучительным тоном прого-

ворил гнусавый, — у меня сын такой, как ты, и если бы он...

— Василий Иванович! — перебил его Геша. — Я же вас просил — без воспитательной работы! У нас уже врач был, свидетельство о смерти по всем правилам оформлено...

Разговор пошел по второму кругу.

— Это еще разобратсья надо, какой такой врач и как он все оформил! Иногда такие артисты попадают...

— Это вы, само собой, разберетесь... а как насчет того, чтобы помянуть покойницу?

— Да мне не положено... — засмушался Василий Иванович. — Я ведь на работе...

— Ну и что, если на работе? Это не по-христиански выходит! Вы ведь русский человек?

— Само собой!

— Тогда непременно должны помянуть!

— Ну, ежели так... маленько... чисто для порядку...

— Само собой!

Раздалось громкое бульканье, я снова приоткрыла глаз и увидела, как милиционер лихо опрокинул стакан дорогого виски, крякнул и занюхал рукавом.

— А теперь, может, вы хотите на покойницу взглянуть? — не унимался Геша. — Поближе, так сказать, познакомиться?

— Не взглянуть, — строго поправил его милиционер. — Не взглянуть, а произвести визуальный осмотр! И это не мое, к примеру, личное хотение, а по закону так положено!

Он встал и направился ко мне.

Паркет поскрипывал под его тяжелыми уверенными шагами.

Я замерла и даже перестала дышать.

Милиционер вместе с Гешей подошел и остановился надо мной, тяжело сопя. И можете себе представить, что в этот миг у меня жутко зачесалось в носу. Ну, просто как назло!

— Молоденькая какая! — вздохнул Василий Иванович. — Что ж вы, ироды, делаете?

— Смерть, Василий Иванович, она не разбирает! Она приходит внезапно... так сказать, нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь! — проговорил Геша и понизил голос: — А вот я вам могу посильную материальную помощь оказать. На воспитание сына. Или на другие хозяйственные надобности. Пока мы тут с вами... один на один, без свидетелей. Она, я думаю, не в счет...

Послышался звук, который ни с чем нельзя перепутать, — шуршание купюр.

Милиционер крикнул, вздохнул и произнес задумчиво:

— Ну, ежели у вас врач уже был и бумаги как надо оформлены...

— Оформлены, Василий Иванович, непременно оформлены! Вот ведь они, бумаги эти!

В носу чесалось невыносимо. Я подумала, что будет с милиционером, если я сейчас чихну... и с трудом удержалась.

— Ну, если все в порядке... ладно, что ж, я тогда не против... сейчас, подпишу вот тут... Паспорт у нее есть?

— Так нету! — Геша развел руками. — Эти бабы никогда документов с собой не носят!

— Ладно, потом в морг принесете, и все, что скажут...

На этот раз зашуршали не деньги, а бумаги —

документы, свидетельствующие о моей безвременной кончине.

Я снова подумала, что делаю явную глупость... но вспомнила Димыча и Мальдивы и не подала признаков жизни.

Василий Иванович напоследок выдал еще какую-то дурацкую проповедь насчет того, что трезвость — норма жизни, а пьянству и тем более наркомании — бой, и удалился восвояси.

Я перевела дыхание и первым делом почесала нос.

— Все о'кей! — прошептал вернувшийся Геша. — С санитарями проще будет, они за деньги что хочешь сделают!

Оказалось, что мент Василий Иванович был настолько любезен, что сам позвонил в морг и велел срочно вывозить покойницу, а то бы мы санитаров до утра прождали.

Этих было двое — один наглый, с черными кольцами волос и хитрым цыганским взглядом, второй — помоложе и поскромнее на вид, он все больше молчал. Геша сразу же взял быка за рога, отозвал цыганистого, которого звали Николаша, в сторонку и зашептал ему что-то на ухо.

— Чего?! — Николаша отшатнулся. — Да ты, парень, с дуба рухнул? Мы ж на работе, а это подсудное дело!

Геша снова зашептал ему на ухо, а потом показал деньги. При виде такой суммы глаза у Николаши зажглись ярким светом, он почесал в затылке и сказал, что он-то бы согласился, но вот напарник его, Вова, человек очень принципиальный. Геша показал

Вове его часть денег, но Вова стоял насмерть — никак нельзя, опасно.

Пришлось прибавить, и Вова преодолел свои опасения.

— В случае чего — мы знать ничего не знаем! — твердо сказал Николаша. — Документы все в порядке, мы ее и забрали.

— Вы, главное, ее в покойницкую определите! — суетился Геша. — Деньги отработайте!

— Ой, плохо! — вспомнил Вова. — Сегодня же Кондратьевна дежурит!

— Ладно уж, Кондратьевну я на себя возьму!

С этими словами Николаша ловко положил меня на носилки и прикрыл серой простыней, от которой воняло дезинфекцией.

— Не бойсь, — сказал Вова тихонько. — Она чистая, мы сегодня первый рейс делаем.

И на том спасибо!

Пожилой водитель труповозки курил возле машины.

— Куда вы ее головой-то вперед пихаете? — заворчал он. — Никакого к покойнице уважения...

— Не пыли, Васильич, не в церкви! — хохотнул кто-то из санитаров, кажется, Николаша. — Ничего с этой покойницей не делается!

— Отчего померла-то? — полюбопытствовал водитель.

— Да написали, что от сердечной недостаточности, — объяснил Николаша. — А только я думаю, что передоз.

— Ясное дело, — вздохнул водитель, — с чего это у молодых вдруг сердце отказывает? Перекололась

или перенюхалась. Ох ты, господи, что люди сами с собой делают!

— Уж это точно, — фыркнул Николай, осторожно устанавливая носилки в машине.

— А что это вы такие веселые? — с явным подозрением спросил водитель. — Успели уже принять? У людей горе...

— Да какое горе! — вступил в беседу второй санитар. — Они уж поминки справляют!

Водитель выругался сквозь зубы и рывком тронул машину с места, отчего я, зазевавшись, едва не слетела с носилок. Санитары без особенных церемоний водворили меня на место и бросили сверху колочее жесткое одеяло. Водитель, к счастью, ничего не заметил. Ехали недолго — в Третью городскую больницу, санитар Геше сказал, что она сегодня дежурная. Я понятия не имела, где там морг, да и какая разница? С приятелями мы договорились, что они будут ждать меня утром возле больницы на машине, а кто-то один принесет одежду к моргу, потому что на мне, кроме джинсов и тоненького свитерка, ничего не было, даже носков, не говоря уж об обуви.

Машина притормозила у шлагбаума, водитель крикнул что-то дежурному, и мы въехали на территорию больницы. Водитель привычно помянул матушку, объезжая лужи на разбитом асфальте, Николаша от толчка подпрыгнул и стукнулся головой.

— Не дрова везешь, Васильич! — рявкнул он. — Люди ведь!

— И где тут люди? — невозмутимо ответил Васильич. — Одни покойники.

— А мы?

— А вы не люди, вы нехристи, — обстоятельно

разъяснил водитель. — Разве ж нормальный человек на такую работу устроится?

— А сам-то! — обиделся Николаша.

— Я — при машине, покойников не касаюсь...

Чувствовалось, что разговоры такие ведутся между ними часто и собеседники привыкли, отвечают друг другу по инерции, без особенной обиды. Машина развернулась и встала. Санитары споро подхватили мои носилки и вынесли на улицу, потом за скрипела дверь, и даже через одеяло пахнуло ужасным запахом — сладковатым, тошнотворным и еще какой-то ядовитой химией.

— Раиса Кондратьевна! — уважительно крикнул Николаша. — Принимайте жмурика!

— Сколько раз говорила, — раздался рядом низкий хриплый голос, — при мне покойников никак не обзывай. Надо говорить — тело...

— Да какая разница? — тараторил Николаша. — Что это вы, Раиса Кондратьевна, вечно ко мне придираетесь, вечно прикапываетесь. То не так и это — не этак!

Между делом они ловко переложили меня на каталку, причем я замерла, вытянувшись и прижав руки плотно к телу, чтобы не болтались. Голоса Николаши и неизвестной мне Раисы Кондратьевны отдалились, слышалось только пыхтение Вовы. Вот скрипнула дверь, каталка протряслась по металлическому настилу и остановилась.

— Приехали! — шепотом сказал санитар. — Конечно, просим освободить вагоны!

В большом помещении было темно, только далеко в стороне под потолком светила лампочка вполнакала в самодельном жестяном абажуре. И в этом неверном слабом свете я разглядела столы, прикры-

тые белыми простынями. Простыни были короткие, столы тоже, так что торчали голые ноги, и у некоторых были привешены к большому пальцу картонные бирки. Мне стало жутко.

— Полезай сюда! — Вова кивнул на ближайший стол, соседний с ним был занят огромным, как гора, телом. — Раздевать я тебя не буду, Кондратьевне скажу, что все тип-топ, она не придет проверять. А уж если придет, то сама с ней разбирайся, мы ни при чем...

Я покосилась на фиолетовые босые ноги на соседнем столе и совсем пала духом.

— Поздно пить боржоми, — наставительно сказал Вова, — когда почки отвалились. Раньше надо было думать, во что вляпалась. Ну, бывай, не поминай лихом.

Он прикрыл меня простыней и вышел, прихватив одеяло, поскольку оно подотчетное, и Васильич с него голову снимет, если казенная вещь пропадет.

Еще некоторое время был слышен гогот Николаши, потом хлопнула дверь, видимо, санитары отправились продолжать трудовую вахту. Я было забеспокоилась, что теперь Кондратьевна явится проверить покойницкую, но никого не было. И то правда — кому охота по собственной воле лишний раз на покойников смотреть?

Лежать на столе было жестко и унизительно, и я села, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. Было холодно. Температура, конечно, не минусовая, но все же морозцем пробирает. Может быть, побегать между столами? Нет — страшно. Я повертела головой, стараясь не глазеть лишний раз на покойников, чтобы не расстраиваться. На противоположной стене я заметила часы. Вот интересно, для

кого они здесь висят и показывают время? Покойникам-то спешить некуда. Мне, кстати, тоже, потому что если часы не врут, показывая четверть второго, то сидеть мне тут осталось... шесть часов, сорок пять минут. В восемь утра придут сотрудники, раскроют все двери, можно будет выскочить незаметно. Если, конечно, я доживу до утра в таком холоде.

Делать было совершенно нечего, было зябко и пахло какой-то химической гадостью, кажется, формалином. Я понятия не имела, что это такое, но, наконец, это он и есть.

Мозги мои еще не совсем смержлись, напротив, от холода я окончательно протрезвела, и теперь в голове появились совсем неутешительные мысли. В основном душу мою тревожили два вопроса: что я тут делаю и для какого беса мне это нужно? И еще вопрос: как же я дошла до жизни такой?

Это же надо такое придумать — сама, по собственной воле я очутилась в покойницкой! И теперь могу:

- а) простудиться и заболеть воспалением легких;
- б) умереть от разрыва сердца, если какой-либо из покойников пошевелится;
- в) просто сбрендить с ума от страха и одиночества;
- г) получить от Кондратьевны хорошую взбучку, если она меня разоблачит, а кстати, эта тетка, судя по всему, серьезная, может и в милицию меня сдать.

Я задумалась, какой из четырех вариантов лучше. Выходило, что все хуже. Тогда второй вопрос: зачем я это сделала? Чтобы полететь с Димычем на Мальдивы? Не слишком ли дорогая цена за две недели отпуска? То есть про Мальдивы я узнала уже после того, как завелась с этим треклятым моргом, Димыч, гад, все держал в себе, видно, прикидывал,

кого ему выбрать в спутницы. И Мальдивы эти нужны мне были только для того, чтобы окутить Димыча по полной программе — ласки, пляски и ежедневный офигительный секс, так, чтобы в конце отпуска он полностью уверился, что я — женщина, созданная для него, во всяком случае, хотя бы на время. Хоть на несколько месяцев. Потому что мне очень нужен кто-то постоянный, который будет меня содержать. Димыч на эту роль подходит лучше других — во-первых, он мне нравится, он красивый и обаятельный, а еще он всегда при деньгах, его отец в Москве — какая-то шишка, поэтому сыночку ни в чем нет отказа.

Мать пригрозила, что с будущего месяца вообще прекратит давать мне деньги. Разумеется, это с ее стороны только пустые угрозы, уж я-то знаю, как приструнить свою мамочку, но заметно урезать мое ежемесячное содержание она вполне может.

Да если на то пошло, разве ж это деньги — то, что она вынимает с недовольной физиономией из своего портмоне и протягивает мне двумя пальцами, как будто я бомж у метро — на, мол, и помни мою доброту.

Может быть, кто-то посмотрит на меня косо и укорит, что я, взрослая девица двадцати двух лет от роду, живу на деньги старушки-матери. Я вас умоляю: моя мамочка иногда при надлежащем освещении выглядит едва ли не лучше меня, во всяком случае, сейчас уж точно. Это во-первых, а во-вторых, мать моя никогда в жизни сама не зарабатывала денег. Она всегда жила за счет мужчин. И очень этим гордилась, всегда приводила себя в пример, как умную, практичную и удачливую женщину. Не подумайте плохого — мамочка женщина приличная и

каждый раз выходила за очередного мужчину замуж. Кажется, мужей у нее было пять. Или шесть, что-то я сбилась со счета.

Самое интересное, что среди этих пяти (или шести) не оказалось моего отца. Да-да, вот как раз за ним-то мамочка замужем и не была. Я его вообще никогда не видела. И бабушку я не помню, поскольку они были с матерью в ссоре и не встречались. Больше у нас родственников не было, так что волей-неволей приходилось мне общаться с мамочкиными мужьями. Но не так чтобы близко. С трудом вспоминаю первого, он отпал, когда мне было года четыре. А до этого он часто выпивал, называл меня дочкой и упорно качал на колене, всерьез полагая, что мне это нравится. Потом был не то дальнбойщик, не то какой-то наладчик — он вечно торчал в командировках и зарабатывал, по рассказам мамочкиных подруг, большие деньги. По моим воспоминаниям, он больше всего на свете любил свою личную машину — подержанные «Жигули». Все свободное время он проводил возле нее в гараже и часто брал меня с собой, так что годам к десяти я полностью усвоила особенности устройства автомобиля, знала названия всех деталей и инструментов, и даже сама могла зачистить свечи и проверить зажигание. После развода с этим товарищем у нас с мамочкой осталась двухкомнатная квартирка в спальном районе.

Потом был, кажется, какой-то начальник, иногда мамочка ездила на его служебной машине, потом — кто-то с телевидения, не то редактор, не то режиссер, он вечно являлся домой за полночь, да еще приводил с собой компанию таких же, как он, возбужденных и голодных приятелей. Он водил меня на телестудию, мне разрешали болтаться по ко-

ридoram и заглядывать во все двери. Иногда брали в передачу, где требовалась массовка. Или режиссер был до начальника, и мать развелась с ним, не в силах выносить эти еженощные бдения? Не помню.

Надо отдать должное моей матери: из каждого замужества она выходила не только без потерь, но и с прибылью. И к пятому (или к шестому) походу в ЗАГС она была в отличной форме, здорова и полна сил, а также имела прилично отремонтированную и обставленную трехкомнатную квартиру, пару норковых шубеек и кое-какие драгоценности — не бриллианты, конечно, но все же не дешевый ширпотреб. И это при том, что, как я уже говорила, мамочка ни дня в своей жизни не работала. Насчет домашнего хозяйства она тоже не слишком заморачивалась, говорила всем, что занимается воспитанием дочери, то есть — моим, но на самом деле она упорно и целеустремленно занималась собой. Я-то хорошо знаю свою мать и уверена, что единственный человек, который ей интересен, — это она сама. С собой ей никогда не скучно, о себе она готова заботиться сколько угодно, удовлетворять все свои бесчисленные капризы и тратить на себя, любимую, все деньги, какие есть. Вот в этом мы с мамочкой очень похожи. Внешне, кстати, тоже.

Только у меня денег нет.

Все началось с ее последнего замужества. Мамочка очень постаралась — ведь после сорока лет шансы найти приличного и богатого мужа катастрофически уменьшаются. И вот в квартире появился мордатый такой тип по имени Валера, упакованный по полной программе. Костюмы у него были все фирменные, ботинки дорожные, итальянские, на руке — золотой «Ролекс», а под окном — «Лексус».

Чем-то сумела его мамочка привлечь — не зря до этого долго тренировалась, и к пятому (или шестому) замужеству приобрела сноровку.

Молодые расписались, и Валера утвердился в нашей квартире. И тут все и случилось. Вроде бы я повода не давала, да и Валера ко мне не вязался, он вообще дома бывал нечасто — какой-то у него имелся бизнес, я подозревала, что полукриминальный.

Однако то ли мамочка зорким оком что-то такое заметила, то ли рассудила по-житейски, что ни к чему молодой привлекательной девушке маячить перед глазами ее мужа, и решила подстраховаться, то есть выпереть меня подальше, с глаз долой. Мы начали ежедневно скандалить — она сама цеплялась ко мне без всякого повода. Выселить меня из квартиры она не могла — куда бы я делась? — так что мамочка просто регулярно орала, чтобы я слезла наконец с ее шеи.

— Но позволь, — удивилась в первый раз я, — уж на твоей-то шее я никогда не сидела! Мы вместе с тобой сидели на шее у твоих мужей, но они-то вроде ко мне претензий не имеют...

Действительно, все четверо (или пятеро) относились ко мне неплохо.

Тут она окончательно озверела, покраснела вся и затопала ногами, из чего я сделала вывод, что нынешний ее муж ко мне претензии имеет: не желает он меня содержать. В общем, это его право, хотя, возможно, мать преувеличивала.

— Иди работать! — угрюмо высказалась она.

— Угу, — обманчиво спокойным голосом согласилась я. — И куда? И кем? Продавцом в продуктовую лавочку, на грошовую зарплату? Секретаршей в крошечную фирмочку, где всего-то сотрудников три

человека, из которых две — законченные стервы, а начальник норовит с первого дня уложить тебя в постель? Ты прекрасно знаешь, что твоими заботами я ничего не умею делать!

Это чистая правда: мамочка хоть и занималась моим воспитанием, но только на словах, а на деле думала, что я пойду по ее стопам: буду устраивать свою жизнь за счет мужчин и никакое образование мне не понадобится. То есть сначала-то она взялась за дело с жаром — в пять лет записала меня в бассейн, на фигурное катание и в музыкальную школу. На катке я на первом же занятии расшибла коленку, в бассейне наглоталась хлорной воды. Мать была настроена спокойно. «Не хочешь — не надо!» Коньки были забыты, плавать я все же научилась, но на этом дело и кончилось. Фортепьяно мне осточертело через месяц. Вместо того чтобы уговорить меня, прикрикнуть, отлупить, наконец, и заставить ребенка заниматься хоть чем-то, мамочка отмахивалась, поскольку ей самой было лень меня заставлять. Таким образом, постепенно выпали из моей жизни: английский и французский языки, теннис, бальные танцы, театральный кружок и художественная фотография. К этому времени я достаточно подросла и научилась ловко уваливать от всевозможных занятий и от работы по дому. Мать окончательно махнула на меня рукой и решила, что дочка устроит свою жизнь подобно ей, с помощью мужчин.

То ли время сейчас другое — мужчины поуменьли и не спешат связать себя узами брака, то ли я просто не обладаю материнскими способностями, но с замужеством у меня ничего не получалось. Да и где его найдешь — холостого обеспеченного человека? Уж не в ночном клубе и не в ресторане. Это мать мне

все время твердила. И еще: я ужасно брезглива и не могу спать с мужчиной, который мне неприятен. Так что все старые жирные козлы и мордатые братки с пудовыми кулаками и отвратительными манерами отпали сразу же. Не желаю я, чтобы близкий мне мужчина напивался как свинья, а потом, озверев, таскал меня за волосы по всей квартире или макал головой в унитаз (одна девчонка из нашего двора именно так проводит время со своим муженьком, правда, утром, проспавшись, он обращается с ней ласково и делает дорогие подарки). Так что и с замужеством, и с работой у меня были большие проблемы.

По мнению матери, у меня отвратительный характер: я злая, несдержанная, быстро впадаю в ярость и могу наговорить лишнего, о чем потом, кстати, нисколько не жалею. Возможно, мамочка преувеличивает, у нее самой характер — не сахар, тому пример — пять мужей (или шесть). От хорошей и ласковой жены никто по собственной воле не уйдет. Последний вывод я сделала чисто теоретически.

Короче, скандалы наши возникали все чаще и занимали все большее время. И тут вдруг оказалось, что умерла какая-то мамочкина старая тетка, о которой я и понятия не имела, и оставила ей однокомнатную квартиру. Мать мигом переоформила квартиру на меня, купила дешевенький диван, потому что поломанную теткин мебель пришлось выбросить, и отдала свой старый холодильник. И дала понять, что на этом считает свой родительский долг по отношению ко мне выполненным. А чтобы я, окончательно оголодав, не являлась к ней в дом, мать раз в месяц дает мне денег — на еду и оплату коммунальных услуг. И то она каждый раз твердит, что вовсе

не обязана это делать и что терпение ее скоро лопнет.

Вот почему я так вцепилась в Димыча — это хоть какой-то шанс некоторое время пожить по-человечески. И все у нас вроде бы складывалось неплохо, но тут влезла Лизка Веселова, чтоб ей в солярии сгореть до угольев и в сауне перегреться!

При мысли о теплой сауне или, еще лучше, о русской парной бане, где пахнет свежим березовым паром, мне стало так холодно, что все кости свело судорогой. Наглые настенные часы показывали, что прошло всего пятьдесят пять минут с того времени, как меня сюда определили. Да они что, издеваются?!

Я проделала несколько гимнастических упражнений, но стол ужасно скрипел, я испугалась, что меня услышит добросовестная Кондратьевна, и перестала.

Холод пробирал до костей. Господи, ну что я тут делаю? Да так ли уж нужен мне этот Димыч? И с чего я взяла, что у нас с ним сложилось бы что-то серьезное? Подумаешь, переспали раза три! Как говорится в известном анекдоте, это вовсе не повод для знакомства! И как хорошо было бы сейчас очутиться в своей собственной квартирке! Напиться обжигающего чаю с вареньем и залезть в ванну! Ванна у меня в ужасном состоянии, но вода-то горячая идет!

Я спрыгнула со стола и сделала несколько приседаний. Движения немного согревали, однако ужасно противно было стоять босыми ногами на грязном цементном полу, так что пришлось снова сесть на стол. Я совсем приуныла, но тут раздался стук в дверь, кто-то кричал хриплым басом, Кондратьевна отвечала ворчливо, что сейчас идет и что вот подож-